

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [Письма XIV: Тоокео, 14 мая, XV: Тоокео, 1 июня, XVI: Тоокео, 15 июля 1891 г.] // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 8. С. 182–207 (3-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

(Письма японскаго миссіонера) ¹⁾.

ПИСЬМО XIV.

14 Мая 1891 г. Тоокео.

Вы уже знаете въ подробностяхъ, что произошло здѣсь 29 Апрѣля около Кёото (въ Оцу). Теперь все это, слава Богу, кончилось. Наслѣдникъ Цесаревичъ возвратился благополучно во Владивостокъ, и волненіе произведенное этимъ событіемъ по пемногу улеглось.

Какъ все это неожиданно, какъ все это дико случилось! Всѣ готовились встрѣтить дорогого гостя, радушно, съ почетомъ, готовили ему разныя подношенія, празднества, иллюминаціи и пр. И вдругъ какой-то нелѣпый (нуморанай) Цуда Санзо все это перевернулъ вверхъ дномъ. Теперь вся Япоція осрамлена и огорчена, а онъ смѣется со своимъ нелѣпымъ самурайскимъ патріотизмомъ.

Извѣстіе о случившемся пришло къ намъ въ тотъ же день чрезъ часъ или два послѣ событія, и поразило насъ точно громомъ среди яснаго дня. Это былъ понедѣльникъ Оомпной недѣли, когда у насъ обыкновенно совершается пасхальное поминовеніе усопшихъ: служится заупокойная литургія, и потомъ всѣ христіане со священниками и хоромъ пѣвчихъ отправляются на кладбище. Обходятъ всѣ христіанскія могилы съ молитвой и пасхальными пѣснями. Ходили и мы туда посмотрѣть и помолиться вмѣстѣ съ христіанами.

¹⁾ См Б В Июль.

Послѣ обѣда я преспокойно сидѣлъ съ англійской газетой (издается здѣсь) и читалъ описаніе путешествія Цесаревича по южной Японіи, о пріемѣ, устроенномъ ему въ Кобе и т. д. Вдругъ въ мою комнату быстро, какъ всегда, вбѣгаетъ преосв. Николай съ шкатулкой для митры въ рукахъ.

„Что же Вы? Поѣдьте“.

— „Куда? Зачѣмъ?“ спросилъ я его въ совершенномъ недоумѣніи.

„Да развѣ вы не знаете? Вѣдь, Цесаревичъ раненъ около Кёото. Поѣдьте въ посольство служить молебень“.

Въ посольствѣ мы застали полиѣйшее смятеніе. Приготовленія къ пріему Наслѣдника Цесаревича все еще продолжались, между тѣмъ оставшіеся хозяева (посланникъ былъ съ Цесаревичемъ) находились въ тяжелой неизвѣстности. Телеграмма въ министерствѣ получила такого содержанія: „Близъ Кёото одинъ полицейскій ударилъ Цесаревича саблей по головѣ, хотя раны глубоки, но состояніе духа твердое“. Телеграмма, какъ видите, совсѣмъ неопредѣленная, возбуждающая всякія опасенія. Что тамъ? Чѣмъ все это кончилось? Мы намѣревались было служить благодарственный молебенъ объ избавленіи отъ смерти, но видя такое настроеніе присутствовавшихъ рѣшили служить о болящемъ, какъ наиболѣе подходящій къ намъ. Послѣ молебна, собравшись всѣ вмѣстѣ, дѣлились впечатлѣніями, опасеніями, написали Цесаревичу телеграмму отъ всей русской колоніи. Дополнительныхъ извѣстій не получалось никакихъ, хотя каждые полчаса ходилъ посланный въ министерство. Мы такъ и уѣхали домой, не дождавшись ничего.

Дома у насъ все было тихо-смирно, никто еще не зналъ о случившемся. Сряду послѣ пріѣзда, къ епископу пришелъ одинъ христіанинъ, завѣдовавшій фотографіями, которыя хотѣли было поднести Цесаревичу; преосв. Николай спокойно разсуждалъ съ нимъ, ничего не говоря о новости дѣя. Не успѣлъ этотъ кончить, какъ пришли двое изъ церкви въ Коози-мацѣ (кварталь въ Тоокео) и о. Павелъ Сато. Эти тоже повели рѣчь о приготовленіяхъ къ пріему: говорили объ иконахъ для подношенія Цесаревичу и принцу Георгію. Никто изъ нихъ нечего еще не зналъ и не слышалъ. Епископъ, наконецъ, сказалъ имъ, что подношеніе

иконъ, пожалуй, придется отложить, потому что Цесаревичъ раненъ. Слушатели сначала и не поняли,—такъ ихъ поразила эта вѣсть.

Послѣ этого быстро узнали все въ миссіи, и потомъ цѣлый вечеръ наши японцы ходили повѣсивъ голову и разводя руками, приговаривая: „Тайхэнно кото“... (т. е. „ужасное дѣло“ или „батюшки, что случилось“).

Черезъ нѣсколько времени пришло извѣстіе изъ посольства, что Цесаревичъ пріѣхалъ въ Кёото и что правительство посылаетъ туда экстренный поѣздъ, на которомъ могутъ ѣхать все желающіе ихъ русскихъ. Преосв. Николай рѣшилъ ѣхать.

Сборы были, конечно, очень короткіе, и мы его проводили въ Кёото. Чувство неизвѣстности еще продолжалось, но въ душѣ появилась нѣкоторая увѣренность, что опасность не такъ велика, если можно было сразу послѣ раны переѣхать въ Кёото...

Между тѣмъ двери нашего собора были отперты, въ окнахъ засвѣтился огонь. Оказывается, наши ученики и ученицы собрались съ о. Павломъ Сато (онъ ихъ духовникъ) молиться о здравіи Цесаревича. Мы, конечно, не могли ихъ заставлять молиться за нашего Цесаревича: при своемъ болѣзненномъ патріотизмѣ (своего рода патридоманія), японецъ никакъ не можетъ примириться съ молитвой за чужого Государа, это въ его удивительной головѣ представляется измѣной своему Микадо. Тѣмъ болѣе утѣшительно было видѣть эту добровольную молитву со стороны нашихъ учениковъ, которые, какъ и всякая молодежь, конечно, радикальнѣе взрослыхъ. На слѣдующій день служили молебны христіане тоокейскихъ церквей.

Весь вечеръ и слѣдующій день въ мою комнату приходили одинъ за другимъ наши христіане съ выраженіемъ сочувствія. Все были смущены и удручены до послѣдней степени. Сравнить наше и ихъ положеніе, окажется, пожалуй, что имъ еще хуже, чѣмъ намъ. Мы теперь уже успокоились: газеты приносили извѣстія благопріятныя, опасности, очевидно, не было больше никакой. Намъ оставалось только благодарить Бога, что все это такъ благополучно кончилось. Между тѣмъ японцамъ отъ этого облегченія было мало: позорное пятно продолжало лежать на

Японіи и, чѣмъ дальше, тѣмъ только больше обнаруживалось, становилось замѣтнѣе. Становилось даже жалко этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, которые должны расплачиваться за уродливый патріотизмъ какого-то Цуда.

Нашъ Θεодоръ съ чистымъ русскимъ негодованіемъ сначала ругалъ японцевъ, называлъ ихъ „звѣрьемъ“ и „облизьянами“ за то, что ранили ни въ чемъ неповиннаго Цесаревича. „Что онъ имъ сдѣлалъ?“ Но потомъ и нашъ Θεодоръ смилостивился, при видѣ всеобщей печали японцевъ: „Что же, чѣмъ они виноваты? Вѣдь, имъ теперь хуже нашего, стыднѣе“.

1-го мая вернулся преосв. Николай съ самыми утѣшительными извѣстіями. Цесаревичъ раненъ легко и теперь совсѣмъ поправляется.

Въ Кёото преосв. Николай былъ очень милостиво принятъ Цесаревичемъ. Сообщилъ ему о печали всѣхъ своихъ христіанъ, о ихъ молитвѣ за Цесаревича. Наслѣдникъ Цесаревичъ благодарилъ епископа и сказалъ, что изъ-за одного человѣка онъ отнюдь не перемѣнилъ своего добраго мнѣнія о Японіи. Въ той же комнатѣ (чисто японской) былъ и королевичъ греческій Георгій, котораго Наслѣдникъ Цесаревичъ представлялъ преосв. Николаю, какъ своего избавителя.

Скоро потомъ къ намъ пришли извѣстія о переѣздѣ Высокихъ гостей изъ Кёото въ Кобе на русское военное судно, и, наконецъ, и объ отбытіи всей русской эскадры во Владивостокъ.

Двое возницъ, везшихъ Цесаревича во время печальнаго событія и такъ или иначе содѣйствовавшихъ его спасенію, были по царски награждены. Щедрія пожертвованія сдѣланы были въ разныя благотворительныя учрежденія. Не забыта была и православная миссія, получившая тоже царскій даръ: 10,000 долларовъ.

Теперь это дѣло прошедшее. Осталось только позорное пятно на Японіи, да надоедливый караулъ полиціи около миссіи. На дворѣ нѣсколько нереряженныхъ полицейскихъ, на улицѣ трое явныхъ. Всѣ ждутъ какихъ-то продолженій кёотосской исторіи, боятся за нашего епископа (который не однажды въ былое время подвергался опасности). Впрочемъ, и этотъ караулъ, надѣемся, скоро прекратится, потому что опасности нѣтъ никакой.

Я еще не писалъ вамъ, какъ у насъ прошли праздники.

На Вербное воскресенье за всеношной народу было очень много. Вербъ въ Японіи нѣтъ, да и поздно для нихъ, за то цвѣли сакура,—и вотъ всѣ наши богомольцы и мы стояли съ бѣлорозовыми сакура. Выходило что-то въ родѣ Пятидесятницы.

На Страстной семинаристы и ученицы опять приобщались. Въ великій четвергъ слушали 12 евангелій. Здѣсь есть нѣкоторая особенность. У насъ, что читать, что слушать читаемое,—все равно, одинаково понятно или непонятно. У японцевъ не такъ. Евангеліе печатало китайскими знаками, которые имѣютъ два произношенія: китайское (искаженное) и чисто японское. Первое можно сравнить съ иностранными словами, употребляющимися въ нашемъ языкѣ. Хорошо, если чтець будетъ читать чисто по японски, читатель безъ труда можетъ понять чтеніе. Но большинство образованныхъ людей, конечно, чисто китайскую грамату читаютъ съ первымъ произношеніемъ. Китайскія слова односложны и потому однозвучныхъ словъ очень много. Напр. „синь“ значитъ „новый, сердце, вѣра, духъ и т. д. Конечно, слушатель, особенно при быстромъ чтеніи, безъ соотвѣствующихъ жестовъ, немного можетъ понять. А если чтець стоитъ далеко и читаетъ не совсѣмъ раздѣльно, то и ничего нельзя у него разобрать. Явилась своеобразная необходимость имѣть предъ глазами книгу, чтобы понимать читаемое. И вотъ наши богомольцы за 12 евангеліями стоятъ съ книгами, и свѣчи въ ихъ рукахъ перестали быть простымъ символомъ: они тоже необходимы для чтенія

Особенно торжественно праздновалась, конечно, Пасха. Всѣ наши христіане (по всей Японіи) разговляются не у себя дома, а около церкви, — въ Тоокёо—въ миссіи. Для этого каждая частная тоокейская община (церковь) занимаетъ одну изъ комнатъ въ миссійскихъ зданіяхъ. украшаетъ ее по силѣ возможности, старался превзойти въ изяществѣ своихъ сосѣдей. Приносятъ цвѣты, какемоно, свитки съ изреченіями китайскихъ мудрецовъ, съ какимъ-нибудь стихотвореніемъ, у христіанъ съ словами Св. Писанія, также съ японскими картинами. Такіе свитки висятъ въ японской „засики“ на почетномъ мѣстѣ. Въ старомъ

храмъ, который помѣщается въ одной изъ комнатъ миссійскаго зданія, разставляются куличи, яйца и пр. Это тоже предметъ соревнованія. Какихъ формъ не придаютъ этимъ куличамъ! Дѣлаютъ ихъ въ видѣ чаши, въ видѣ корабля, въ видѣ дома и т. д., и т. д., до чего только можетъ додуматься японская изобрѣтательность. Яйца тоже раскрашиваются во всевозможныя цвѣта. Кромѣ этого, приносится различное печенье, въ видѣ крестовъ, птицъ. Все это ставится особыми группами на этажеркахъ, украшается цѣлымъ лѣсомъ цвѣтущихъ растений, флагами. Храмъ принимаетъ самый праздничный видъ.

Часовъ съ 8 веч. въ субботу открыли чтеніе Дѣяній Апостольскихъ, а семинаристы вздумали въ старомъ храмѣ говорить поученія, одинъ за другимъ. Ревность нашихъ молодыхъ проповѣдниковъ на этотъ разъ, однако, не нашла себѣ отвѣта въ слушателяхъ, чрезъ нѣсколько времени христіане просили проповѣдниковъ оттуда перевести куда-нибудь въ другое мѣсто, потому что они мѣшаютъ украшать имъ ихъ куличи.

Богослуженіе согершалось, конечно, также, какъ и въ Россіи. Всѣ христіане стояли со свѣчами. Священнослужители въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Храмъ былъ положительно великолѣпенъ. Одного не доставало для насъ русскихъ: не было этого таинственнаго и вмѣстѣ торжественнаго перезвона въ пасхальную ночь, къ которому мы такъ привыкли и который такъ особенно настраиваетъ душу. Кругомъ насъ были язычники, будить ихъ въ полночь доброшумными папшими колоколами было неумѣстно. Впрочемъ, всѣ здѣсь привыкли къ молчаливому торжеству, и никто не замѣтилъ недостатка.

Послѣ службы преосв. Николай пошелъ освящать куличи у христіанъ въ старый храмъ, прошелъ съ поздравленіемъ по всѣмъ миссійскимъ комнатамъ, гдѣ расположились разныя церкви. Мы, священники (трое), отправились по школамъ освящать пасхи учениковъ. Вездѣ освѣщено, вездѣ весело, радостно.

Въ миссіи, въ одной изъ комнатъ накрытъ былъ столъ для всѣхъ священнослужителей, учителей, переводчиковъ, вообще для всѣхъ нашихъ чиновныхъ лицъ. Это мы были въ гостяхъ у преосв. Николая. Съ нами были тутъ и еди-

повѣрные гости-греки. Между прочимъ одинъ священникъ, не мало подивившій насъ своимъ прїѣздомъ въ Японію для сбора пожертвованій на церковь.

Самъ пресв. Николай, однако, съ нами не былъ: ему нужно было принимать поздравленія. Всякій христіанинъ, уходя домой, обязательно заходитъ къ своему „дай-симпу“ (великій отецъ духовный, т. е. по нашему владыка, — только японское слово говоритъ больше о правдивномъ значеніи епископа) поздравить его и похристосоваться съ нимъ. Каждому епископу даетъ по красному яицу.

Такъ прошло время до шести часовъ утра. Но и тогда никто объ отдыхѣ не думалъ. Не уснѣвъ я вернуться въ свою комнату, какъ ко мнѣ вошла наша катихизаторская школа въ полномъ своемъ составѣ и заявила, что „у нея глаза хотять вылѣзти“ (равносильно нашему „поздравляю“). Вылѣзаютъ глаза у японцевъ, очевидно, по причинѣ особенной радости) и „Христось фукуквалусу“ (воскресе). Пришлось и мнѣ соврать, что и мои глаза тоже лѣзутъ изъ орбитъ. Въ слѣдъ за ними пришли ученики иѣвческой школы, потомъ пошли всякіе и чиповные, и нечиповные христіане. всѣ съ радостнымъ Христось воскресе, съ улыбками, поклонами. Поцѣлуевъ здѣсь мало: это совершенно не здѣшний обычай и едва ли привѣтается здѣсь. Даже родители не цѣлуются съ дѣтьми.

Немного погодя пришелъ правый хоръ со священникомъ; пропѣли Христось воскресе, Ангелъ вопіаше и пр., однимъ словомъ, какъ въ Россіи. Потомъ—лѣвый хоръ, потомъ—школа изъ Коози-мацци. Цѣлый день раздавалось по нашей мисіи пасхальное иѣніе.

ПИСЬМО XV.

1-го іюня 1891. Тоокео.

У насъ въ школѣ пачался лѣтній сезонъ, а съ нимъ неизмѣнныя рекреации. Вы думаете, что это что-нибудь обыкновенное? Нѣтъ, здѣсь обыкновеннаго мало. Свою загородную прогулку школяры справляютъ здѣсь съ такимъ трескомъ, что ихъ русскимъ товарищамъ и въ голову не придетъ.

Пречолія, конечно, самая обычная. Въ комнату всякаго

болѣе или менѣе чиновнаго лица является отъ школы депутация съ самыми вѣжливыми поклонами и повзанными фидіономіями. Узкіе глазки совсѣмъ тонуть въ улыбки. Почланцы вручаютъ вамъ билетъ, и становятся еще болѣе умильными. Нужно за билетъ платить.

Набравши, такимъ образомъ, извѣстную сумму, школяры покупаютъ себѣ разныхъ гостинцевъ, а главное жокейскихъ фуражекъ и всевозможныхъ призовъ для будущихъ игръ. Замѣчательнъ самый выборъ призовъ, весьма характерный. Нашимъ семинаристамъ и вообще школьникамъ едва ли бы пришли въ голову такія вещи. Напр., носовой платокъ, мыло, зубной порошокъ, туалетный ящикъ, записная книжка, безъ которой ни одинъ японецъ никуда не поидеть. Удивительные практики эти японцы.

Въ назначенный день утромъ, семинаристы, всѣ въ разноцвѣтныхъ жокейскихъ картузахъ, по два въ рядъ являются на миссійскій дворъ и выстраиваются передъ окнами епископа. Въ головѣ колонны развѣвается огромный бѣлый флагъ съ аршинными китайскими буквами: „Православная Богословская школа“. Подобные же флаги въ среднѣ и въ хвостѣ колонны, а потомъ почти каждый семинаристъ держитъ въ рукахъ маленькіе флаги всякихъ цвѣтовъ. Преосв. Николай вышелъ къ этой арміи, благословилъ, сказалъ нѣсколько словъ, и армія, пестря флагами и весело разговаривая между собой, пошла по улицамъ Тоокёо. Идти ей нужно далеко, версть съ восемь, въ подгородное мѣстечко Одзи, извѣстное своимъ Инари или лисьимъ храмомъ.

Послѣ обѣда отправились туда и мы съ нѣсколькими учителями японцами. Мѣсто, дѣйствительно, прекрасное; потому оно и выбрано японцами для рекреаций (въ одно время съ нами въ томъ же Одзи справляла рекреацию еще какая-то школа). Наши ребята расположились таборомъ на полу-горѣ, подъ большими развѣсистыми деревьями, а внизу раскинулась широкая равнина, засѣянная хлѣбами, теперь зелеными. Кое-гдѣ видѣлись деревеньки. Въ сторонѣ дымила большая писчебумажная фабрика.

Наши семинаристы, окончивши свой „гозень“ (рисъ или вообще обѣдъ), теперь собрались въ кучку, отдыхали отъ утрепняго путешествія и отъ игръ, забавляли себя разными

разсказами, шутками. Удивительная привычка у всѣхъ японцевъ считать по пальцамъ. Не сдѣлають самаго простаго арифметическаго дѣйствія, чтобы не прибѣгнуть къ пальцамъ. Что это? Недостатокъ-ли воспитанія или, можетъ быть, природный недостатокъ синтеза? У японцевъ вообще анализъ предъ синтезомъ сильно преобладаетъ. Общее они усваиваютъ не легко, за то каждую частность немедленно и схватятъ и отмѣтятъ. Каждая составная часть представляется имъ какимъ-то самостоятельнымъ цѣлымъ, которое, поэтому, и усваивается ими отдѣльно. Это, очевидно, плодъ ихъ китаской граматы. Лѣтъ, вѣдь, семь а можетъ быть и больше, каждый японецъ сидитъ за этой граматой, и вся его задача за все это время, чтобы не пропустить какой-нибудь едва замѣтной частности, которой одна буква отличается отъ другой. Невольно привыкнешь къ анализу и къ быстрому усвоенію частностей.

Посидѣвъ немного, мы съ двумя учителями (Мій и Морита, оба они теперь въ 1895 г. уже священниками) отправились бродить по окрестностямъ, заходили въ ближайшія деревушки, заглядывали въ разные углы. Путь нашъ лежалъ больше полевъ, среди зеленаго хлѣба. Шли мы по проселочной дорожкѣ; по ту и другую сторону ея по канавкамъ быстро струилась вода. Это искусственное орошеніе. Устроено все это просто, дешево, и въ то же время все это полезно, практично. Нельзя не отдать въ этомъ отношеніи справедливость японцамъ.

Прогулка по полямъ была превосходная. Изрѣдка только запахъ отъ своеобразнаго удобренія заставлялъ вспоминать, что японцы всѣмъ чудесамъ своей культуры учились у китайцевъ. Удивительное дѣло: народъ весьма способный, сообразительный, практичный, и вотъ прошло уже едва не полуторы тысячи лѣтъ, какъ они заимствовали отъ китайцевъ ихъ культуру, и за все это время имъ не пришло въ голову сдѣлать въ этой культурѣ какія-нибудь приспособленія для Японіи. Китайцы устраивали для юга очень хорошіе дома, но для сѣверной Японіи эти дома слишкомъ воздушны, въ нихъ приходится мерзнуть немилосердно зимой и сидѣть навьючивши на себя весь свой гардеробъ. Можетъ быть, японцы соображали больше насчетъ войны между собой, культуру же предоставили презираемымъ ими

китайцамъ. Не будетъ ли того же и съ европейской культурой? Они переймутъ отъ европейцевъ все, усвоятъ себѣ новыя изобрѣтенія быстрѣе, можетъ быть, самыхъ европейцевъ, но отъ себя ничего не прибавятъ.

Поля засѣяны были ячменемъ и отчасти пшеницей. Ячмень здѣсь оказывается дешевле риса и служитъ подспорьемъ послѣднему для деревенскихъ жителей. Его употребляютъ пополамъ съ рисомъ.

Интересно сравнить приемы здѣшняго хлѣбопашества съ нашимъ. Здѣшній крестьянинъ работаетъ главнымъ образомъ, если не исключительно, своими руками, безъ помощи домашнихъ животныхъ. Это, можетъ быть, труднѣе, но зато пашня отдѣлывается точно на выставку, съ такой же тщательностью въ подробностяхъ, какъ и японскія лакированныя вещи.

Вспахавши свой участокъ мотыкой и очистивши его отъ сорной травы и корней, японецъ руками дѣлаетъ грядки во всю длину или ширину участка и затѣмъ начинаетъ сѣять, точнѣе, сажать хлѣбъ: зерна раскладываются небольшими щепотками, какъ у насъ сажаютъ въ банкахъ цвѣты. Конечно, работа очень продолжительная, но потомъ любо посмотреть на такую пашню. Иной засѣетъ свой участокъ разными хлѣбами и овощами: грядка ячменя, грядка гречихи, потомъ макъ, затѣмъ опять ячмень, овощи и т. д. Изъ пашни получается своего рода цвѣтникъ.

Главную заботу и трудъ составляетъ посѣвъ риса. Прежде всего необходимъ для риса разсадникъ. Для этого отводится небольшой кусочекъ земли сажени въ двѣ и меньше и отдѣляется земляными перегородками. Сюда напускается вода изъ ближняго ручья и мало по малу образуется настоящее болото. Тогда крестьянинъ распахиваетъ, точнѣе, взмѣшиваетъ грязь, глубина которой доходитъ до пояса. Послѣ этого сюда бросаются зерна риса, а сверху ставится шесть съ веревками, увѣшанными разноцвѣтными бумажками—это пугало для птицъ. Зерна плаваютъ въ этомъ разсадникѣ, пока не пустятъ ростокъ и не отрутеть „вакаба“ (разсада, молодая трава). Тогда начинается японскій праздникъ разсадки риса, что-то очень похожее на нашъ сѣнокосъ по своей веселой обстановкѣ. Японцы наряжаются, повязываютъ головы бѣлыми или синими платками и съ пу-

ками свѣжей молодой зелени начинаютъ рядами ходить по пашнямъ, разсаживая рисъ. Говорятъ получается живописный видъ. Горожане отправляются смотрѣть эту разсадку куда-нибудь за городъ, на извѣстную всему городу горку. Сидятъ они тамъ, попиваютъ чай или больше „сакѣ“, любуются прекраснымъ „кессики“ (видъ), и, конечно, сочиняютъ или по крайней мѣрѣ, читаютъ стихи. Безъ „ута“ (стиховъ) и „сакѣ“ (вина), японецъ не обойдется, если „кессики“, дѣйствительно, производитъ на него впечатлѣніе. Святые, конечно, можетъ быть другаго мнѣнія о сѣяніи риса: цѣлый день ходить по грязи съ согнутой спиной не особенно легко. Однако, и они по возможности имѣютъ праздничный, веселый видъ.

Бродя по разнымъ направлениямъ, мы, наконецъ, пришли и къ знаменитому здѣшнему Инари. Самый храмъ, конечно, ничѣмъ существеннымъ отъ прочихъ „мія“ не отличается. Прежде всего вы проходите чрезъ „тори-монъ“. Это—ворота особенной формы, отличительная принадлежность синтоистическихъ храмовъ. Устройство ихъ такое: два большихъ столба, на нихъ кладется перекладина, длиннее, выдающіеся концы которой слегка изогнуты вверхъ; пониже этой перекладины между столбами утверждается другая безъ выдающихся концовъ. Обѣ перекладины соединяются между собой по-средиנѣ небольшой доской или палкой (съ довольно своеобразнымъ символическимъ значеніемъ). Иногда къ этой соединительной доскѣ привѣшивается таблица съ какой-нибудь священной надписью. Вотъ и все устройство этихъ воротъ. По большей части онѣ деревянные, но дѣлаются и изъ камня, иногда же, въ особенно замѣчательныхъ храмахъ выливаются изъ бронзы. Чрезъ ворота вы вступаете во дворъ храма. Прямо противъ воротъ устроено особое возвышеніе подъ навѣсомъ: здѣсь происходятъ танцы во время праздниковъ. Дальше на такомъ же разстояніи по той же прямой вы видите и первое отдѣленіе храма.

Въ немъ особыхъ изображеній нѣтъ: символомъ божества служитъ зеркало. По сторонамъ стоятъ таблички съ именами умершихъ, лежатъ двухсоставные хлѣбы изъ рисовой муки. По карнизу развѣшана солома—тоже символъ божества. Простые смертные допускаются только сюда, съ преддверію „ясиро“, самое же оно помѣщается еще дальне, тоже по

прямой. Это совѣтъ не большое зданіе. избушка, туда допускаются, кажется, только жрецы.

Въ Инари было только то отличіе, что чрезъ ворота вы вступаете на каменную, довольно эффектную лѣстницу, по которой и поднимаетесь къ святилищу. По сторонамъ лѣстницы стоятъ статуи лисицъ и людей. Главная же краса— громадныя столѣтнія деревья, осѣняющія лѣстницу и святилище. Здѣсь особеннаго ничего нѣтъ.

Отъ святилища ведетъ узенькая лѣстница — тропинка вверхъ, въ гору, это и есть путь въ собственные апартаменты. Тропинка идетъ извиваясь по склону горы подъ деревьями. То и дѣло попадаютъ маленькія тори-монъ, сколоченныя изъ жердочекъ. Это приношенія лисѣ отъ ея почитателей, приношенія, нельзя сказать, чтобы слишкомъ щедрыя. На каждомъ тори-монъ написано и имя жертвователя. Выше по горѣ эти тори-монъ наставлены въ такомъ количествѣ, что образуютъ сплошной корридоръ, по которому и нужно вамъ пробираться сильно наклонившись, если не изъ почтенія къ лисѣ, то хоть, чтобы не задѣтъ головой за низенькія тори-монъ.

Миновавши этотъ своеобразный корридоръ, вы наконецъ приходите къ какой-то избушкѣ на курьихъ ножкахъ, не то скворешница, не то часовня. Маленькія дверки занерты на замокъ, но сквозь круглыя отверстія (для подаяній) можно разсмотрѣть внутренность волшебной хижины. Тамъ мало интереснаго, но много пыли и грязи. На полочкахъ стоятъ дрянныя изображенія лисицы, запыленныя и облѣзлыя, валяются здобныя лешенки, которыми угощаютъ лису ея посѣтители. Полочки занимаютъ почти все пространство внутри. такъ что нельзя видѣть, что находится подъ ними. Тамъ, очевидно, предполагается жилище, или спальня самой таинственной обитательницы. Нѣсколько въ сторонѣ стоятъ другія такія же избушки. Должно быть для другихъ лисицъ, только тѣ еще молоды и почетомъ не пользуются: тори-монъ стоятъ только предъ вѣкогорыми и въ небольшомъ количествѣ. — На избушкахъ нарисованъ и гербъ лисицы: пылающій шаръ.

Вернувшись, мы застали нашихъ ребятъ въ полномъ разгарѣ всякихъ игръ и спортивныхъ. Призы были разыграны. Всѣ эти игры, кажется, европейское нововведеніе. Вмѣстѣ

со школой перенесли сюда изъ Новаго свѣта и всѣ школьные порядки.

Домой наша армія пришла часовъ въ 7 вечера и, какъ и утромъ, выстроилась предъ окнами епископа. Епископъ опять вышелъ. Наши ребята неожиданно запѣли „Царю Небесный“. Въ жокейскихъ колпакахъ и съ флагами вышло не совсѣмъ удобно,—преосв. Николай попросилъ спѣть что-нибудь болѣе подходящее. Тогда раздались крикливые раскаты японскаго гимна: „Кими-га ёо-ва“. Въ заключеніе прокричали епископу что-то непонятное, не то: „уоо“, не то „ура“, и пошли тѣмъ же церемоніальнымъ маршемъ въ свою семинарію. Тамъ былъ еще какой-то парадъ съ пѣніемъ гимна и криками. Завтра очевидно всѣ будутъ отказываться отвѣчать урокъ, по случаю рекреаціи

Теперь наступаетъ у насъ самый непріятный періодъ, такъ называемый „нюубай“. Въ продолженіи мѣсяца или даже сорока дней, почти непрерывно мороситъ мелкій дождикъ. Сырость стоитъ невообразимая, невиданная у насъ. Нельзя платью оставить на стѣнѣ въ тѣни,—черезъ день-два оно все покроется плесенью. Мебель и все отсырѣваетъ, шкафовъ не отворить, отъ сырости ихъ дверцы разбухли. Въ самомъ дѣлѣ, буквально нельзя было отворить церковныхъ шкафовъ въ новомъ соборѣ. Сдѣланы они были зимой, когда воздухъ весьма сухъ, и вотъ во время нюубая пришлось брать оттуда ризницу и, несмотря на наши усилія, ничего достать не удалось. Къ дождю прибавьте духоту, должно быть отъ южнаго вѣтра, и вы получите нѣкоторое понятіе о нашемъ нюубаѣ. Головные боли почти не прекращаются у непривычныхъ, да и сами японцы страдаютъ не меньше нашего. Бѣда для нервныхъ и ревматиковъ.

Бѣднымъ нашимъ семинаристамъ приходится переносить двойной нюубай: начинаются экзамены. Народъ они, сравнительно съ нашими, слабый. Часто хвораютъ и сильныхъ умственныхъ трудовъ не выдерживаютъ. Начинаетъ болѣть голова, и бѣдному приходится покончить съ ученіемъ. Наши находятся еще въ лучшихъ условіяхъ, раза два или три въ недѣлю получаютъ мясную пищу,—на рисѣ далеко не уѣдешь.

На каникулы думаемъ половину ихъ отправить на дачу, куда собирався спутешествовать и я.

ПИСЬМО XVI.

15-го Юля 1891 г. Тоонео.

Сегодня вернулся изъ своей поѣздки. Пожилъ на дачѣ, походилъ по горамъ, подышалъ свѣжимъ воздухомъ, а теперь опять въ Тоокѳо. Опишу вамъ что видѣлъ интереснаго.

3-го Юля мы съ Теодоромъ въ 9 съ половиной часовъ утра выѣхали изъ Тоокѳо по желѣзной дорогѣ. Ѣхать намъ нужно было до станціи Коодзу, гдѣ пересадка въ вагонъ конножелѣзной дороги. Отсюда путь лежитъ по равнинѣ. Справа видны огромныя, зеленыя горы, которыя все забѣгаютъ вамъ впередъ и понемногу захватываютъ горизонтъ. Слева по временамъ раскрывается море. Конка проложена по старой японской дорогѣ, такъ называемой, Тоокайдѳо, которая идетъ отъ Тоокѳо въ Кеото. Здѣсь въ старину проѣзжали всѣ великіе и малые саловники, шли войска, товары и пр. Движеніе было вообще очень оживленное. Не смотря на это дорога очень не широка, особенно если сравнить съ нашими большими дорогами. Объясняется это тѣмъ, что передвиженіе въ старину совершалось больше пѣшкомъ, въ палакинахъ, или верхомъ на лошади. При этомъ всякій не самурай, если онъ ѣхалъ верхомъ, долженъ былъ сойти съ лошади и низко поклониться всякому встрѣчному самураю. Особенной широты слѣдовательно не требовалось: для поклоновъ есть мѣсто и по сторонамъ дороги. Теперь въ Кеото проложена желѣзная дорога и Тоокайдѳо въ зануствѣніи.

Проѣзжаемъ чрезъ городъ Одовара. Онъ растянулся почти въ одну улицу на безконечное пространство. Ѣдешь-Ѣдешь, прости конца не видать. Мѣняются лошади. Садятся новые пассажиры, при чемъ двѣ деревенскія „обаасанъ“ съ черными зубами, раскрывъ ротъ долго смотрять на насъ, особенно на Осодора. Опять ѣдемъ по Одовара. Вотъ на лѣвой сторонѣ наша православная церковь. Деревянная, бѣлая. Кругомъ ея прелестный садикъ. Церковь эта неосвящена, это собственно молитвенный домъ, въ которомъ литургія совершается на переносномъ антиминсѣ. Но съ вѣду отъ храма нѣтъ отличія: есть и кунолокъ и крестъ на

немъ, есть очень недурной, хотя и недорогой иконостасъ, престоль, жертвенникъ. Многіе молитвенные дома устроены внутри такимъ же образомъ. Здѣсь пастырствуетъ о. Петръ Кано, одинъ изъ первыхъ христіанъ.

За Одовара Тоокайдо остается влѣво, и мы ѣдемъ по широкой зеленой равнинѣ, вдыхая чудный полевой, свѣжій воздухъ, свободный отъ дорожной пыли. Долина довольно широка. По ней игривыми извилами струится прозрачная рѣчка. Иногда берега ея обдѣланы и русло ровно, иногда она мечется отъ одного края долины къ другому, отыскивая путь сквозь груды камней. Мы ее нѣсколько разъ переѣзжаемъ. Горы теперь уже близко, рядомъ по ту и другую сторону. Мы можемъ теперь вполне любоваться ихъ зелеными высями. Громадны онѣ, живописны. По мѣстамъ даже мы приходимъ въ восторгъ, не смотря на нашу непривычность къ горной красотѣ. Чудныя мѣста. И все это такъ зелено, такъ свѣжо. Не даромъ Японію называли зеленымъ островомъ. Все здѣсь зелено. Горы покрыты зеленеющимъ лѣсомъ, тамъ, гдѣ лѣсу слишкомъ высоко, густая зеленая трава спѣшитъ занять вершину горы. Пельзя не восхищаться этой повсюдной свѣжестью, весной.

Но вотъ и Юмото. Здѣсь конка кончается, потому что дальше дорога идетъ въ гору. Мы пріѣхали къ границѣ возвышенности Хаконе. Эта возвышенность замѣчательна обиліемъ всякихъ минеральныхъ, горячихъ и пр. водъ. Всюду здѣсь источники, начиная съ самаго Юмото. А съ источниками обязательны ихъ спутники ванныя съ номерами, гостиницы реорія (кухмистерскія), и всюду пріѣзжіе люди.

Отъ Юмото долина раздѣляется горнымъ кряжемъ на двѣ. Если пойдемъ налѣво, найдемъ водопадъ, который часто посѣщаютъ любители кессики (видовъ); а дальше на противоположномъ берегу долины по кручамъ пробирается старая дорога въ Хаконе (Тоокайдо).

Нашъ путь лежитъ на право. Переходимъ чрезъ мостъ, всякій, деревянный. Идемъ мимо гостиницъ, мимо лавокъ со всевозможными японскими издѣльями, игрушками, шкатулочками, тростями и пр. Дорога поднимается все замѣтнѣе и замѣтнѣе, и долина, теперь уже узкая, принимаетъ вполне горный видъ. Внизу въ глубинѣ кипитъ и пѣнится горная рѣчка, по ту и другую сторону громадные стѣны.

Немного погодя въ зеленой выси покажется и снова пропадетъ бѣлый домъ съ куполомъ посрединѣ, castle, какъ его называютъ въ путеводителяхъ англичане. Это наша дача. Проходить еще минуты двѣ и надъ вами, немного пониже castle, на самомъ краю кручи, среди деревъ заблѣтеть нашъ православный храмъ съ его семью главами. И храмъ и castle выстроены о. Владиміромъ, или, какъ называютъ его здѣсь; „Врадиміромъ“ (у японцевъ буквы „л“ нѣтъ). Онъ собралъ деньги, купилъ это мѣсто (копечно, на имя японца), развелъ тутъ садъ, цвѣтникъ, выстроилъ домъ, храмъ и пр. Въ свободное время онъ всегда былъ здѣсь съ семинаристами (онъ завѣдывалъ семинаріей и преподавалъ въ ней; въ этомъ отношеніи былъ одинъ изъ немногихъ усердныхъ помощниковъ преосв. Николая, который за это и теперь вспоминаетъ его съ благодарностію).

Намъ нужно пройти мимо всей дачи до деревни Тонусава, тамъ есть мостъ чрезъ рѣчку. Дорога прекрасная, широкая, ровная и очень пологая. Но что всего удивительнѣе въ этомъ горномъ ущельи, это — электрическое освѣщеніе. Ну, не молодцы ли японцы. У насъ развѣ въ столицѣ увидишь эту роскошь, а здѣсь въ горахъ вдали отъ всякихъ столицъ и губернскихъ городовъ. И все это у нихъ недорого сравнительно: также самая рѣчка, которая шумитъ тамъ внизу, служитъ двигателемъ и для электрической машины. Этимъ освѣщается Юмото со всѣми своими ресторанами и померами, дорога въ горахъ до Міяносита. Такъ называется деревня или лучше дачное мѣсто въ горахъ, верстѣ восемь отъ Юмото. Тамъ прекрасный воздухъ, хорошія ванны, живописный видъ, — поэтому лѣтомъ туда съѣзжается едва не вся европейская колонія. Для европейцевъ тамъ устроены двѣ или три огромныхъ гостиницы со всѣми удобствами. Не для нихъ ли и эта дорога съ электрическимъ освѣщеніемъ? Тогда не особенно можно удивляться изобрѣтательности японцевъ.

Въ Тонусава нужно перейти чрезъ висячій мостъ, поднаться мимо маленькихъ японскихъ лачужекъ по кривой улицѣ. За ними начинается наша область. По отвѣсному скалу зигзагами идетъ лѣстница, — это „Михей-зака“ (Михеевскій подъемъ или спускъ), какъ прозвали семинаристы по имени нашего садовника, который устроилъ этотъ подъемъ.

Наша дача представляеть изъ себя очень живописный садъ, расположенный отчасти террасами. На верхней террасѣ, у самой горы стоитъ довольно большой свронейскій домъ въ два этажа. Выстроенъ онъ для графини Путятинной (дочь извѣстнаго гр. Путятина, который заключалъ съ Японіей трактатъ о Курильскихъ островахъ. Трактатъ, впрочемъ, не особенно удачный, такъ какъ имъ отданы японцамъ наши Курильскіе острова за нашу же южную половину острова Сахалина). Эта графиня много сдѣлала для миссіи. На ея средства построены главныя зданія въ миссіи, въ женской школѣ. Графиня пріѣзжала было сюда служить миссіонеркой, но болѣзнь, которая всегда держала ее въ постели, принудила потомъ оставить ея святое дѣло.

На слѣдующей террасѣ стоитъ castle, въ которомъ и теперь, во время нашего пріѣзда живутъ семинаристы. Немного въ сторонѣ отъ него небольшою домъ, полуевронейскій: это память о другой миссіонеркѣ, работавшей здѣсь нѣкоторое время, Маріи Черкасской (она теперь подвизается въ Палестинѣ). Наконецъ, на самой нижней площадкѣ, какъ я сказалъ, на краю обрыва стоитъ храмъ.

Теперь все это заброшено. Castle чуть держится, домикъ Черкасской — тоже; храмъ, хотя и бѣлѣть снаружи, тоже сгнилъ и грозитъ наденіемъ. Огромныя колокола, неизвѣстно, зачѣмъ висящіе (и какъ это ихъ втащили въ такую неприступную кручу?) только еще болѣе тянуть его къ землѣ. Раньше, когда былъ здѣсь о. Владиміръ, онъ все это и поддерживалъ помимо миссіи: здѣсь было мѣсто для его рекреаций съ учениками. Теперь же практическое значеніе дачи пропало и она въ запустѣніи. Впрочемъ, если бы нашлись люди, желающіе устроить здѣсь монастырь, то трудно найти мѣсто болѣе живописное и болѣе подходящее. Лѣтомъ въ окрестностяхъ народъ еще бываетъ, но и то рѣдко-рѣдко кто носторонній завернетъ на нашу площадку. Послѣ же дачнаго сезона здѣсь такая тишь, такое уединеніе, что лучшаго и желать не нужно для монаха. Мѣста для монастыря много. Кромѣ сада (очень обширнаго) миссіи принадлежитъ вся гора, примыкающая сзади. Давно зародилось желаніе имѣть тамъ монастырь, только вотъ людей подходящихъ и средствъ нѣтъ для того, чтобы желаніе это осуществилось.

Мы съ Θεодоромъ помѣстились въ домѣ Путятиной. Мебели тамъ, конечно, не особенно много, но намъ много и не нужно. Скоро принесли наши семинаристы съ поклонами. Потасили Θεодора по всеѣмъ здѣшнимъ достопримѣчательностямъ до ваннъ включительно, до мѣста на рѣкѣ, гдѣ особенно хорошо ловятся угри (до нихъ японцы большіе охотники, и готовятъ ихъ искусно). Бѣдный Θεодоръ едва вернулся потомъ, быстроногіе проводники отбили у него всякую охоту къ путешествіямъ.

Зелени, свѣжести много здѣсь. Но замѣчательное дѣло, японскіе цвѣты не издають никакого запаха. Θεодоръ замѣтилъ это прежде всего. Все въ Японіи мило, красиво. Прекрасны ихъ цвѣты, но онѣ не благоухають. Прелестны ихъ птички, но онѣ не поють. Изысканно любезны и ласковы японцы, но у нихъ нѣтъ поцѣлуевъ. Вы проходите точно въ напорамѣ, видите природу, города, людей; но все это только картины, только виѣшняя сторона жизни, скрывающая пустоту.

4-го Іюля до обѣда ходили наверхъ, въ гору къ буддійскому храму. До него отъ насъ четверть часа быстрога подъема. Въ старину этотъ храмъ былъ широко извѣстенъ и привлекалъ къ себѣ много поклонниковъ. Отъ самой Топусавы къ нему вела какъ бы священная дорога, вся уставленная по сторонамъ буддійскими каменными идолами. На крутыхъ подъемахъ устроены были широкія каменныя лѣстницы, число ступеней когорыхъ было извѣстно благочестивымъ поклонникамъ: на каждой ступени читалось „Наму Амида бу“. Теперь печать забвенія лежитъ на всемъ. Дорога залущена, лѣстницы разрушены, идолы понадали или стоятъ безъ головъ и рукъ. Поклонники ходить сюда перестали.

Мы съ Θεодоромъ и нѣсколькими семинаристами поднимались по священной дорогѣ. Сначала по ту и другую сторону встрѣчаются буддійскія кладбища увывля, молчація, съ ихъ своеобразнымъ буддійскимъ запахомъ (отъ какого-то листа). Это очевидно фамилныя усыпальницы, потому и содержатся до сихъ поръ въ чистотѣ. Выше ихъ на полдороги отъ храма стоятъ обычныя въ тѣра деревянныя ворота, все покрытыя фамиліями путешественниковъ. Рядомъ съ ними стоитъ большой каменный столпъ. На одной сто-

ронѣ его написано: „Наму Амида бу“, а на другой увѣряюгь, что тутъ прямая дорога въ рай.

Отсюда подъемъ становится круче, лѣстница на время пропадаетъ, дорога идетъ лѣсомъ. Кое-гдѣ есть идолы. Особенно удивилъ Θεодора восьмирукій Будда. Никакъ не могъ овъ понять, зачѣмъ это японцы своему богу придѣлали восемь рукъ. Скоро мы достигли площадки на которой стоитъ тѣра (храмъ) съ его кладбищемъ, миновали его и поднялись по очень крутой и неудобной тропинкѣ къ старинной пещерѣ, находящейся еще минутъ на десять-пятнадцать выше храма. Въ старину въ этой пещерѣ жилъ какой-то буддѣйскій бонза-подвижникъ; желѣзный посохъ его и теперь хранится въ тѣра. Немного лѣтъ тому назадъ сюда же уходилъ лѣтомъ о. Іоаннъ Сакаи, умершій уже. Онъ отличался своей аскетической жизнью. Пещера имѣетъ два отдѣленія. Въ первое еще проникаетъ кое-какой свѣтъ изъ низкой двери, второе же совершенно темное. Туда можно проникнуть только съ факеломъ. И то и другое отдѣленія очень невелики. Много тамъ разныхъ буддѣйскихъ идоловъ, но сырость и грязь просто невыносимы. Какъ тутъ жили подвижники, трудно себѣ и представить. Впрочемъ, на слѣдующій годъ въ этой пещерѣ я видѣлъ опять подвижника: какой-то бонза вздумалъ тамъ спастись. Не знаю, постоянно ли онъ тамъ жилъ, потому что я его встрѣтилъ въ тѣра. Жаловался, что въ сырое время тамъ невыносимо тошно.

Пещера помѣщается на какой-то стремнипѣ, на которую просто смотрѣть жутко. Вся она покрыта огромными, едва держащимися камнями-глыбами, гигантскими поваленными соснами. Все это какъ будто стремится внизъ подобно водопаду, а надъ пещерой нависла сѣрая громада-скала. Вотъ-вотъ все это двинется... Говорятъ, зимой, когда на горахъ собирается много снѣгу, съ вершинъ обрываются камни, иногда очень большіе, и съ шумомъ летятъ внизъ, ломая и валя по пути сосны. Оттого и много здѣсь упавшихъ деревьевъ.

Снутившись оттуда, мы зашли въ тѣра. Въ главномъ его отдѣленіи поставлены три золоченыхъ идола: въ срединѣ Амида съ серебряной звѣздой во лбу, въ обмыковенной позѣ (поджавши ноги и сложивши руки на колѣняхъ

большими пальцами вмѣстѣ). Посторонамъ — двѣ „Кваннонъ“, у одной въ рукахъ распукающійся лотосовый цвѣтокъ а другая со сложенными руками по католически. „Кваннонъ“ — женское божество, богиня добраго промысла. Говорятъ (миѣніе одного англійскаго епископа-писателя), это божество заимствовано буддизмомъ съ острова Сокотора, у арабовъ, съ которыми Индія всегда была въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Самъ Амида носить на себѣ несомнѣнныя черты сходства съ персидскимъ Церуане-Акерене. Повидимому, отъ Персовъ перешелъ онъ въ буддизмъ. Этотъ послѣдній, вѣдь, не имѣетъ божествъ. Какіе могутъ быть боги у религій атеистической по существу? Чтобы занять чѣмъ-нибудь свой пустой алтарь, буддизмъ и принимаетъ въ себя всѣхъ боговъ, какіе только ему встрѣтятся въ той или другой странѣ. Конечно, ученые бонзы считаютъ всѣхъ этихъ Амида и Кваннонъ просьбами олицетвореніями разныхъ идей, но народу проповѣдуютъ и народъ вѣритъ, что все это живыя существа, къ которымъ можно обращаться съ молитвой о помощи. Такъ жлетъ буддизмъ.

Кваннонъ очень почитается въ Японіи, въ честь ея воздвигнуты повсюду храмы. Между прочимъ, есть весьма почитаемый храмъ и въ Тооксо, Асакуса. Этотъ храмъ очень древній и замѣчательнъ, кромѣ этого, идоломъ, который слыветъ въ народѣ за чудотворный. Сдѣланъ этотъ идолъ изъ какого-то чернаго дерева и теперь отъ постоянныхъ прикосновеній и потиралій превратился въ неузнаваемый чурбанъ.

Предъ идолами стоитъ продолговатый жертвенникъ, на немъ нѣсколько причудливыхъ курильницъ, лампадъ, золотые лотосовые цвѣты изъ дерева. Нашло куреньемъ, бонзами. Предъ жертвенникомъ лежитъ коврикъ для бонзы и раскрытая книга, должно быть, молитвенникъ, а рядомъ изображеніе какой-то мионической черепахи изъ дерева. По этой черепахѣ бонза ударяетъ палочкой, во время молитвы. Можно издалека слышать его монотонное, гугнивое бормотанье и эти мегодическіе тоскливые удары.

Въ тѣра на этотъ разъ мы никого не встрѣтили. Единственный его обитатель не вышелъ къ намъ изъ своей комнатки. Онъ вообще большой любитель уединенія и на свѣтъ Божій показываться не любитъ. Напр., внизу въ деревнѣ

случился пожаръ, и бонза узналъ объ этомъ событіи въ своемъ приходѣ только полтора мѣсяца спустя.

На самомъ краю площадки у лѣстницы, по которой мы поднялись къ тѣра стоитъ старая-престарая, покачнувшаяся колокольня или лучше просто деревянный навѣсъ съ колоколомъ. Звонятъ ударяя по колоколу небольшимъ бревномъ, привѣшоннымъ въ видѣ тарана. Кругомъ колокольни кладбище со старинными памятниками. Всѣ они высѣчены изъ камня. На нѣкоторыхъ видны таинственные буддійскіе символы, санскритскія надписи. Мы долго пробыли здѣсь, рассматривая памятники. Вообще серьезенъ видъ кладбища, но на буддійскомъ какъ-то особенно настраивается душа, какъ-то замираетъ она подъ наплывомъ глубоко-таинственной грусти. Предъ мысленнымъ взоромъ воскресаетъ тысячелѣтняя исторія буддизма, исторія подвиговъ ума, подъ предъ когорыми дѣтскій лепетъ вся европейская философія, — исторія желѣзныхъ усилій воли, во имя ученія сковывавшихъ плотскую природу человѣка. И всѣ эти богатырскія старанія, все это ничѣмъ неутолимое стремленіе разрѣшить загадку жизни должны были кончиться вотъ здѣсь подъ плитой, должны были открыть человѣку только нирвану, т. е. ничто. Бѣдный, бѣдный человѣкъ! Жалкое бытіе безъ смысла, безъ цѣли, съ загадкой въ началѣ и съ безслѣднымъ уничтоженіемъ въ концѣ! Къ чему страдать, къ чему насилывать свою природу, если ей придется пропасть въ морѣ чуждой ей и нелюбящей жизни. А человѣкъ хочетъ истины, хочетъ проникнуть выше и дальше, хочетъ жить истинно человѣческой жизнью. Такъ и вспоминается Будда съ его страдающей улыбкой. Горе, горе тебѣ, человѣкъ, если будешь жить безъ Бога, если инымъ своимъ путемъ захочешь проникнуть въ тайники природы!

На кладбищѣ, среди буддійскихъ могилъ, точно вѣстникъ новой жизни стоитъ памятникъ одной изъ ученицъ нашей женской школы. Она умерла на дачѣ и похоронена по православному здѣсь на кладбищѣ буддійскомъ, съ разрѣшенія бонзы, когорый къ мертвымъ вообще относится благодушно. Надъ ея могилой стоитъ такой же сѣрый гранитный памятникъ, но на немъ крестъ и надпись: „Раба Божія Вѣра“. Мы помолились надъ ея могилкой и пошли внизъ на нашу дачу.

5-го числа пришлось просидѣть дома: почти цѣлый день шелъ дождь, а 6-го опять отправились съ Осодоромъ и съ надзирателемъ семинарин японцемъ осматривать окрестности. На этотъ разъ ходили за Юмото къ водонаду. Тамъ разбитъ очень хорошій садъ съ неизмѣнными „ча-я“ съ цвѣтными фонарями, съ золотыми рыбками. Въ только что выстроеномъ навильонѣ собраны разные идолы, перенесенные сюда изъ какого-то древняго храма. Ихъ показываютъ просто, какъ рѣдкости. Замѣчательна фигура Фу-доо, помѣщенная въ особомъ шалашѣ на маленькомъ островкѣ. Большой безобразный черпый идолъ, со сверкающими бѣлыми глазами, въ правой рукѣ мечъ, въ лѣвой веревка. Значенія его не добрался; кажется, что-то въ родѣ карающаго правосудія.

Перешли по качающемуся мосту черезъ рѣку и направились въ гору къ буддѣйскому тѣра, очень древнему. Проходили по чайнымъ плантаціямъ. Нѣсколько японцевъ въ синихъ платкахъ на головѣ собирали чай. Осодоръ подошелъ къ одной женщинѣ, взялъ у нея корзину и началъ тамъ перетряхивать и швырять, воображая, какъ бы было хорошо пересадить одинъ кустикъ къ намъ въ Россію. Женщина ни мало не смутилась этой безцеремонностью идзина, очевидно къ путешественникамъ и ихъ любознательству здѣсь все привыкли.

Въ храмѣ, за извѣстную плату намъ показывали разныя рѣдкости: древнія картины (особенно замѣчательна одна, представляющая Шакья-Муни послѣ поста, удивительно живо написана), разные сосуды, книги и пр. Большинство буддѣйскихъ храмовъ представляютъ настоящіе музон рѣдкостей. Они и посѣщаются теперь именно, какъ музены.

Насъ приняли двое бонзы, угостили чаемъ. Одинъ бонза вычищенный, вѣжливый, говорилъ, что онъ бывалъ и въ Тоокёо, видалъ и „Никорай-сана“. Очень любезный бонза, но съ непріятнымъ сухимъ взглядомъ, какимъ обладаютъ почти все бонзы. Другой его товарищъ высматривалъ попроще. Одѣтъ въ обычное, сѣрое „хаори“, голова и борода давно не бриты, носъ съ сильнымъ фіолетовымъ тономъ. До буддизма ему, очевидно, мало дѣла, да и едва ли онъ въ немъ что-нибудь понимаетъ, а вотъ на счетъ „саке“ онъ можетъ быть, сообщить бы не мало интереснаго.

7-го было воскресенье, поэтому съ вечера служили нѣчто въ родѣ всенощной въ сокращеніи, а въ воскресенье обѣдницу. За той и другой службой одинъ изъ семинаристовъ сказалъ проповѣдь. Какіе-то два англичанина зашли на нашъ звонъ, постояли въ дверяхъ, вытянувъ шею, послушали проповѣдь. Поняли-ли что-нибудь, не извѣстно.

12-го числа предприняли довольно продолжительное путешествіе въ Хакопе. Ходили цѣлымъ таборомъ: всѣ семинаристы, надзиратель, я, только Феодоръ, которому надоѣли горы, въ особенности же рисовый столъ, на отрѣзъ отказался отъ путешествія

Вышли часовъ въ семь утра и отправились по направленію къ Міаносита. Шли все по той же прекрасной дорогѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, что ведетъ и отъ Юмото. Только, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже становится ущелье, въ которомъ шумитъ рѣчка, и тѣмъ живописнѣе горы. Голыхъ вершинъ не видать, все покрыто или лѣсомъ или травой (на очень высокихъ горахъ), а по травѣ раскиданы круглые сѣрые камни, иногда огромныхъ размѣровъ. Это, должно быть, слѣдъ прежнихъ вулканическихъ изверженій. Многія вершины имѣютъ форму строгаго конуса, слегка усѣченного. Да и кромѣ всего этого, обиліе горячихъ источниковъ говоритъ о скрытой работѣ подземныхъ силъ. За Міаносита, навр. мы проходили Асиною, гдѣ даже воздухъ тяжелъ отъ многочисленныхъ сѣрныхъ источниковъ. Въ этомъ же округѣ находится и два Ада, большой и малый (Дай-дзи-гоку и Сео-дзи-гоку). И тотъ и другой представляютъ изъ себя небольшое пространство на склонѣ горы, все дымящееся и шипящее отъ множества горячихъ испареній. Говорятъ, воздухъ тамъ насыщенъ сѣрой, и дышать трудно.

Вскорѣ послѣ Міаносита дорога теряетъ всѣ свои европейскія удобства и превращается въ обычную японскую дорожку тропинку: дальше, должно быть, нѣтъ въ ней надобности, свроейцы всѣ живутъ въ Міаносита и дальше проникаютъ рѣдко. Подъемы становятся все круче и больше. Къ нашему несчастію, послѣ вчерашняго дождя дорога была грязная и скользкая. Помню, особенно труденъ одинъ переваль. Чего стоило взобраться на него?! Просто бѣда! Насилу-насилу дошли мы до „татеба“, расположенной на верху его. Татеба—это небольшая придорожная лавочка.

Въ ней можно достать чаю, японскаго пирожнаго, а главное — чистой, холодной воды и посидѣть, отдохнуть отъ пути. Какая нибудь словоохотливая „обаасанъ (непремѣнно обаасанъ, а не одзисанъ) выбѣжитъ къ вамъ навстрѣчу, усадить васъ, подастъ чаю. Чай и ящичекъ съ уголькомъ для трубки — необходимые ассесуары всякой такой татеба. Таксы за это нѣтъ, это, предполагается, безмездная вѣжливость со стороны обаасанъ. Но посѣтитель тоже приличіемъ обязывается подарить что-нибудь и хозяйкѣ. Даются, конечно, какіе-нибудь гроши, хотя смотря по одеждѣ посѣтителя, обаасанъ иногда получаетъ и больше. Если вы возьмете печенье или яйцо, это уже торговля и обаасанъ, не стѣсняясь, скажетъ вамъ, сколько вы должны за это заплатить.

По дорогѣ можно видѣть замѣчательную въ своемъ родѣ статую Дзизоо (богъ милости). Она весьма большихъ размѣровъ и вся высѣчена гзъ скалы. Въ свое время „тама“ между бровей (шарикъ или камень, отличительная принадлежность Будды, изображающей, кажется, звезду) была изъ чистаго золота, но теперь она вынута, во лбу у бѣднаго Дзизоо зияетъ дыра; подбородокъ и кисть приподнятой правой руки отбита, лѣстница къ нему заросла. Формы статуи очень правильны и лицо не безъ нѣкоторой художественности. Правда это обычный буддійскій типъ застывшей благодати, женственности. — Кругомъ главной статуи нѣсколько маленькихъ, тоже обитыхъ и изломанныхъ.

Около полдня пришли, наконецъ, въ Хаконе, знаменитое своимъ живописнымъ горнымъ озеромъ. Въ старину, при сѣгунскихъ порядкахъ, въ Хаконе была главная таможня или застава по дорогѣ изъ Кёото въ Тоокёо. Все проходило тутъ. Деревня процвѣтала. Теперь это далекая горная глушь, въ которую заворачиваютъ развѣ только турнеты, да и тѣ только для прекраснаго озера. Впрочемъ, по лѣтамъ въ деревнѣ живутъ нѣсколько дачниковъ, есть японцы, есть и иностранцы, конечно, учителя-миссіонеры. У нихъ тутъ есть небольшая лѣтняя школа для японцевъ, въ ней они проповѣдуютъ и обучаютъ дѣтей.

Мы остановились на отдыхъ въ реорія, заказали себѣ самый лукулловскій японскій обѣдъ (рисъ, впрочемъ, принесли съ собой изъ дому). Реорія заднимъ своимъ фасадомъ выходила прямо на знаменитое озеро. но намъ не пришлось

имъ полюбоваться, какъ слѣдуетъ: день былъ сильно пасмурный, надъ озеромъ стоялъ густой туманъ. Всѣ картины скрылись подъ этимъ неумолимымъ покрываломъ.

Въ Хаконе есть еще знаменитый своей древностью и исторіей синтоистскій храмъ (Міа) такъ называемый Гонгенъ. Къ нему ведетъ очень эффектная дорога, усаженная столѣтними великанами-деревьями. Храмъ обнесенъ красной стѣной. На внѣшнемъ дворѣ, подъ навѣсами много древнихъ картинъ.

Возвращались изъ Хаконе по старой дорогѣ, Тоокайдо. По истинѣ, ужасная дорога. Проложена она чрезъ главный краѣ и проложена безъ всякихъ попытокъ какъ-нибудь поправить природу: подъемы невозможнѣйшіе. Притомъ, въ свое старое время эта дорога была вымощена большими камнями, и теперь всѣ эти камни торчатъ, какъ каждому вздумается. Нельзя поднять глазъ кверху, чтобы не споткнуться. Путешествіе возможно здѣсь только пѣшкомъ или въ паланкинѣ, да и то трудно представить, какъ взбираются по такимъ стремнинамъ бѣдные носильщики. Но виды здѣсь, дѣйствительно, живописны; гораздо смѣлѣе, величественнѣе, чѣмъ на новой дорогѣ.

Семинаристы ходить молоды, главное идутъ очень скромно, нападая на однихъ только ящерицъ, которыхъ здѣсь въ горахъ очень много. Въ самомъ Хаконе поймали и убили змѣю; хотѣли было бросить ее въ озеро, но обаасанъ-хозяйка реорія, воспротивилась этому. „Будетъ дождь“, говорить. Нѣтъ ли и у насъ какого-нибудь подобнаго суевѣрія?

Нѣкоторые семинаристы не теряли даромъ всего видѣннаго ими. Въ одной рукѣ раскрытая записная книжка, за ухомъ карандашъ. Встрѣтится что-нибудь замѣчательное, сейчасъ записывается, — будетъ ли то водопадъ, гора оригинальной формы или удивительная обаасанъ съ наростомъ на лбу.

Домой воротились мы поздно вечеромъ, въ восьмомъ часу, усталые, мокрые. Трудно было подниматься на нашу дачу, по Михай-зака. За то послѣ уснули самымъ богатырскимъ сномъ.

Сегодня утромъ, въ пять часовъ мы съ Оеодоромъ оставили дачу и возвратились въ Тоокео. Всѣмъ хорошо въ горахъ, только комаровъ тамъ цѣлые міриады. Бѣдный Оео-

дорь особенно почему-то страдалъ отъ лихъ. Въ Японіи вообще лѣто кишить комарами, безъ полога нельзя спать даже въ городахъ. Особонно кусаются москиты.

Черезъ недѣлю или дней пять преосв. Николай отправляется по церквамъ на сѣверъ Японіи, а я остаюсь здѣсь домовничать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.
